

ФЕСТИВАЛЬ Бориса БЕРЕЗОВСКОГО

ЗИМНЯЯ РАПСОДИЯ

6 декабря 2020

СВЕРДЛОВСКАЯ

ФИЛАРМОНИЯ

Заслуженный артист России
Борис Березовский (фортепиано)

Лауреат международных конкурсов
ученик Московской специальной
музыкальной школы им. Гнесиных
Александр Доронин (фортепиано)

1 отделение

СЭМЮЭЛ БАРБЕР (1910–1981)
**Соната для фортепиано ми-бемоль
минор, ор. 26** (1949)

- I. Allegro energico
- II. Allegro vivace e leggero
- III. Adagio mesto
- IV. Fuga: Allegro con spirito

МОРИС РАВЕЛЬ (1875–1937)
«Отражения» для фортепиано, М 43 (1905)

1. Ночные видения
2. Печальные птицы
3. Лодка в океане
4. Альборада, или Утренняя
серенада шута
5. Долина звонов

ДЖОРДЖ ГЕРШВИН (1898–1937)
Рапсодия в стиле блюз для 2 фортепиано
(1924; переложение для фортепиано соло)

2 отделение

ОЛИВЬЕ МЕССИАН (1908–1992)
Прелюдии для фортепиано (1929)

- «Голубь»
- «Бесплотные звуки мечты»
- «Отблеск ветра»

ВЯЧЕСЛАВ ГРЯЗНОВ (р. 1982)
**Рапсодия «In Black» на темы из оперы
Дж. Гершвина «Порги и Бесс»
для 2 фортепиано** (2010)

- I. День в Нью-Йорке. Порги
- II. Бесс. Ночь
- III. Бесс и Порги

«Я очень люблю джаз, обожаю!» – признается **Борис Березовский**. В музыке Равеля и Мессиаана пианист находит изысканные джазовые звучания, а «недостающую их произведениям свинговость» черпает в вечнозелёных хитах Гершвина – гуру классического джаза. Березовский любит рассказывать о том, как Джордж Гершвин приехал учиться к Морису Равелю, а знаменитый француз убедил начинающего композитора искать свой путь в музыке. По словам Березовского, Гершвин нашел себя в джазе, который «приправил своим восхитительным гармоническим соусом и подал всему миру».

«Вступительное слово» в своей сольной программе знаменитый пианист передает 18-летнему коллеге из знаменитой Школы имени Гнесиных **Александр Доронину**, который, как и композитор Барбер, к чьей музыке он обратится, «родился под счастливой звездой».

Соната для фортепиано Барбера не только раскрывает динамический и регистровый потенциал фортепиано, но также «проверяет» пианиста на виртуозность и выносливость. Франсис Пуленк назвал четвёртую часть сонаты «нокаутом», считая её неисполнимой.

Третья часть – «самая трагическая из всех медленных частей у Барбера», по словам биографа – вызывает ассоциации с музыкой Баха (в это время композитор купил 47 томов баховских сочинений), а для ряда исследователей является своеобразным портретом XX века с его военным апокалипсисом (во время Второй мировой войны Барбер служил в авиационной части).

Солисты, дирижёры и оркестры всегда охотно брались за исполнение новых произведений Барбера. Так случилось и с его Фортепианной сонатой, которую представил миру Владимир Горовиц. Её премьера состоялась 23 января 1950 года в нью-йоркском Карнеги-холле, после чего сочинение быстро вошло в международный концертный репертуар.

Большую часть своих сочинений композитор и пианист **Морис Равель** написал для фортепиано. Его друг Рикардо Виньес – один из самых выдающихся исполнителей своего времени – отмечал, что Морис любил писать для фортепиано гораздо больше, чем играть.

«**Отражения**» создавались в эпоху, когда Равель находится ещё на позициях импрессионизма, что следует из названий, содержания и колоритной фактуры пьес. «Ночные видения» – картина полета ночных мотыльков, проносащихся причудливых теней. «Печальные птицы» – воспоминание о лесных прогулках вблизи Фонтенбло, где он слышал посвист дрозда. «Лодка в океане» – картина бескрайней морской шири, тонкая звукопись водной стихии. «Утренняя серенада шута» – виртуозная пьеса, обращенная к испанской тематике, полная отзвуков гитары и кастаньет. «Долина звонов» – звуковой пейзаж, вдохновленный поэзией колокольного звона, плывущего в тихом вечернем воздухе.

«Многие композиторы ходили вокруг джаза, как кошка вокруг миски с горячим супом, ожидая, пока он немного остынет... **Джордж Гершвин** смог совершить чудо, – писал дирижер Вальтер Дамрош. – Он – принц, который взял Золушку за руку и открыто провозгласил её принцессой, вызывая удивление мира и бешенство её завистливых сестёр».

Одно из самых известных сочинений Гершвина изначально было «Американской рапсодией», но брат композитора предложил ему дать другое имя, по аналогии с картиной Джеймса Уистлера «Ноктюрн в синем и золотом». **Rhapsody in Blue** стала визитной карточкой Гершвина сразу после того, как была исполнена автором в сопровождении оркестра Пола Уайтмена. На премьере в Нью-Йорке, прошедшей с огромным успехом, присутствовали Сергей Рахманинов, Фриц Крейслер, Яша Хейфец, Леонид Стоковский, Игорь Стравинский и другие выдающиеся музыканты.

«Названия здесь вполне дебюссистские», – признавал **Оливье Мессиа**н, говоря про свои **Прелюдии** 1929 года. А также круг настроений и образов, оркестровая трактовка рояля, красочность авторских ремарок. Уникальное свойство – связь между звуком и цветом – раскрыто композитором в описании. «Голубь» – «оранжевый, с фиолетовыми прожилками», «Отблеск ветра» – «чередование оранжевого и зеленого с чёрными пятнами» в момент бури. «Бесплотные звуки мечты» – в «сине-оранжевой» и «фиолетово-пурпурной» гамме, с «эффектом драгоценных камней».

Своей первой значительной работой Мессиа

н считал цикл из восьми прелюдий, написанных в 20 лет. Они прозвучали на парижском концерте Национального общества в 1931 году в исполнении пианистки Анриетты Пуиг-Роже, которой были посвящены. Миниатюрам присущи замедленные темпы с застывшим процессом развития и обилием повторов, единство эмоционального состояния. Лишь в основе «Голубя» лежит не состояние, а «событие»: мы наблюдаем за птицей, видим её томление, а затем полёт. Стремясь к созданию необычного звукового колорита, Мессиа

н изобретает новые приёмы, один из которых – «гроздь аккордов», которые звучат в «Голубе» в верхнем регистре и передают шелест листьев.

Rhapsody in Black Вячеслава Грязнова – яркое, масштабное сочинение, смело «жонглирующее» стилевыми контрастами и имеющее собственный сюжет. «Это произведение о человеке с покалеченным телом, но здоровым духом; о его мечтах, вере и пути к своей цели. Оно о красивой женщине с прекрасной, но раздираемой страстями душой... Оно о конце её метаний и о конце его мечтаний», – комментирует композитор.

«Опера Гершвина, – продолжает автор, – имеет завершение-вопрос. Порги обнаруживает, что Бесс, соблазненная Спортином Лайфом с помощью наркотиков, отправилась в Нью-Йорк. Он запрягает свою козу в тележку и – не зная ничего о Нью-Йорке, едет спасать любимую... Что могло бы происходить тогда? Именно об этом предлагает задуматься Рапсодия “In Black”».

Рождённая в 1935 году опера Джорджа Гершвина «Порги и Бесс» произвела эффект разорвавшейся бомбы. Невозможно было представить, что с оперной сцены зазвучат интонации негритянских певцов, острые свинговые ритмы, молитвенные спиричуэлс. В новом столетии к этой музыке обратился один из ведущих современных транскрипторов Вячеслав Грязнов. Рапсодия на темы «Порги и Бесс» была создана им специально для фортепианного дуэта Николая Петрова и Александра Гиндина. Своим появлением она во многом обязана горячей поддержке Петрова, восхищавшегося, «с какой виртуозностью, с каким зарядом творческой прочности сделана эта транскрипция». После кончины пианиста Грязнов посвятил ему свое произведение.

Понравился концерт?
Поделитесь впечатлениями в социальных сетях:

Не забудьте подписаться на нашу рассылку,
чтобы всегда быть в курсе важных событий!

[ПОДПИСАТЬСЯ НА НОВОСТИ](#)

[Новогодние концерты за столиками
Классик-Хит-Коктейль
22.12-8.01](#)

[Ждем вас на других концертах филармонии!](#)

Без возрастных ограничений

sgaf.ru